

Для цитирования: Мальцев Я. В.
Механизмы социально-культурной динамики
в концепции перманентной современности //
Социум и власть. 2022. № 2 (92). С. 7—18.
DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-07-18.
EDN: DKVNVD.

УДК 141.3

EDN: DKVNVD

DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-07-18

МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ В КОНЦЕПЦИИ ПЕРМАНЕНТНОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Мальцев Ярослав Владимирович,

Тюменский государственный университет,
доцент кафедры новой
истории и мировой политики,
кандидат философских наук.
Тюмень, Россия.
E-mail: maltsevyaroslav@gmail.com

Аннотация

Введение. Феномен множества (*multitude*) активно осмысливается мировой и отечественной философской, социологической и политологической мыслью с целью получения нового знания о социальных процессах. Концепция, берущая свое начало из математики, получившая философскую прописку благодаря трудам А. Негри, М. Хардта, А. Бадью, Ж. Рансьера, Ш. Муффа, Дж. Батлера и, конечно, тесно связанная с творчеством Ж. Делеза и Ф. Гваттари, еще нуждается в рефлексии и популяризации, а также может

быть использована при построении комплексных философских концепций.

Цель. Цель предлагаемой вниманию читателя статьи — показать феномен множества в качестве составной части теории *перманентной современности* как тектоническую силу социально-культурной изменчивости, «работающую» благодаря диалогу и субъекту.

Методы. Методология статьи выстроена на основе феноменологии, герменевтики, принципе сложности; ее теоретической основой служит концепция современности как Я-субъективности А. В. Павлова и концепция перманентной современности.

Научная новизна исследования. В статье раскрывается политический аспект концепции перманентной современности, связанной с культурной и цивилизационной динамикой. Дается новая трактовка понятий «модерн», «постмодерн», «цивилизация», «культура»; предлагается по-новому посмотреть на иерархию этих терминов.

Результаты и выводы. В результате делается вывод, что множество является совокупностью агентов, группирующихся вокруг субъекта-идеи и реализующих утопию субъекта в политическом поле посредством многоплановых взаимодействий, за счет чего и происходит культурная динамика.

Ключевые слова:

субъективность,
политика,
модерн,
постмодерн,
диалог,
сборка,
современность

Введение

Теория множеств, когда-то зародившаяся в математическом дискурсе, берущая начало с Г. Кантора, становится все более актуальной в наше время, все плотнее входит в политический, социологический и философский вокабуляры, особенно там, где эти способы мысли смыкаются. Так, в работе Г. Честера и Я. Уэлша [33] исследуется глобальное общество в качестве своеобразной сборки-множества, некоего общего роения, связанного массой коммуникационных линий. При этом авторская оптика социологическая. Она удачно «подхватывается», «развивается» в коллективной работе «От множества к толпе: коллективное действие и СМИ» [38], посвященной исследованию протестных действий в XXI веке, пытающейся объяснить множество в качестве политического субъекта. Необходимо отметить претендующий на фундаментальность (такую задачу ставили перед собой авторы) сборник «Радикальная демократия и коллективные движения сегодня: Биополитика множества против гегемонии народа» под редакцией А. Киупкиолиса и Г. Камбекиса [39], где через теорию Негри и Хардта, теорию множеств, рассматриваются *Оссиру*, «арабская весна», прочие мировые протестные движения «эпохи сопротивления», как наши дни обозначили редакторы сборника. Свой вклад в анализ множества и свою попытку работать с этой дефиницией предпринял С. Жижек [42], хотя в его лексиконе данный термин не закрепился, да и сам его взгляд был скорее критическим. Д. Кэмфилд вовсе считает теорию А. Негри и М. Хардта глубоко ошибочной [32]. В целом теория множества сегодня имеет *множественную* историографию (Н. Тампио [40], Я. Лиск [34], Ф. дель Луккезе [35], У. Маццарелла [36], Е. В. Петровская [18], А.Р. Третьяк [23]), прослеживание и анализ которой не является задачей данной статьи (это сделано в диссертации А. Р. Третьяка¹). Достаточно сказать, что первоисточником теории множества в политическом дискурсе являются работы А. Негри и М. Хардта, про которые будет сказано ниже и которые базируются на более сложных текстах Делеза и Гваттари, с их идеей роения, ризомы, машины войны, рифленого и гладкого пространства. Исторически идея множества связана с 1968 годом и теми изменениями, которые это Событие (как нечто, меняющее конфи-

гурацию сложившегося символического порядка, по А. Бадью) запустило в социально-культурной матрице. В границах данной статьи интерес представляет концептуализация понятия «множество» в качестве составляющей концепции перманентной современности с целью прояснения процессов культурной динамики.

Методы и материалы

Методологически статья находится на стыке политической и социальной философии, а также теории культуры, т. к. в ней анализируются акторы и агенты политического поля (П. Бурдьё) в их влиянии на более широкие трансформации в области культуры и цивилизации. В работе рассматривается взаимосвязь единичного культуротворческого субъекта/актора (субъектов, образующих свою коммуникационную сетку) со множеством его последователей/агентов, вовлеченных в коммуникацию и благодаря этому образующими политическое целое агонистического (Ш. Муфф) порядка. Статья исходит из теорий А. Бадью о политическом как процедуре истины, как способа познания человеком истины миропорядка в целом и истины о себе самом, а также из взглядов А. Бадью и Ж. Рансьера на политическое как динамическое изменение Символического, т. е. устоявшегося порядка: политическое как всплеск активности, вызванный борьбой за новые идеалы. Исходя из опорных авторов (А. Негри, М. Хардт, П. Вирно, А. Бадью, Ж. Рансьер, Э. Лаклау, Ш. Муфф и проч.) текст оказывается в границах марксизма, даже неомарксизма, поскольку используются теории З. Фрейда, Ж. Лакана, С. Жижека, Ю. Хабермаса, Ж.-П. Сартра, однако лучше попытаться воспринимать его как самостоятельное явление, пытающееся найти новые основания для понимания культурных процессов. Главным же подходом при анализе феномена множества оказывается концепция *перманентной современности*, развивающаяся из идеи о современности как Я-субъективности, выдвинутой А. В. Павловым [15; 16] и получившей некоторое полемическое развитие в диалоге между ним и А.С. Чупровым [28], Г. Л. Тульчинским [24], С.В. Борисовым [6], Ю. Г. Ершовым [10]. Суть концепции будет удобнее раскрыть уже в основной части работы.

Результаты и обсуждение

Перманентная современность представляет собой ситуацию столкновения мыслящего Я (*субъекта*) с вызовами времени,

¹ Третьяк А. Р. Понятие «множество» в политической философии: от Макиавелли до Негри и Вирно : дис. ... канд. филос. наук. М., 2021. 260 с.

разворачивающегося перед ним в горизонтальной (время жизни и текущих связей в моменте времени) и вертикальной (вертикально ориентированное время, увязывающее прошлое и будущее) плоскостях. Рефлексия и творческая деятельность субъекта приводят к созданию *утопии*, проект которой подхватывается *множеством* — совокупностью агентов, действующих в культурном поле, но не созидających интеллигентно, а принимающих некий вариант грядущего Символического. Субъекты и множества, ассоциированные с определенной Идеей, образуют собой полифокальное [17] динамическое взаимодействие, обуславливающее культурную динамику, ведущую к возникновению цивилизации, в границах которой взаимодействуют пласты культуры, модерна и постмодерна, разрываемые ситуацией междивизуальной эпохи.

В результате множество (*multitude*) — важное понятие теории перманентной современности, т. к. представляет собой второй по значению структурный элемент: круг, складывающийся вокруг точки и расширяющий влияние точки в пространстве-времени. Образование множества — перманентный процесс диалога с Идеей (И. Кант) и Событием (А. Бадью), процесс расширения Идеи и События в культурном пространстве, перманентная актуализация высказанного. В конечном счете, именно множество вводит субъекта в Символическое, символизирует Я. Вместе с тем посредством субъекта само множество обретает субъектность, становится причастным истине — субъект определяет означающее истины в конкретной точке пространства-времени: голос субъекта определяет горизонт и цели борьбы.

Сам термин «множество» был очищен от негативных коннотаций массовости и введен в философско-политологический оборот А. Негри и М. Хардтом [25; 26]. Множество может быть помыслено различными способами: как некая сборка (Б. Латур) или как цепочка эквивалентностей (Э. Лаклау): оба эти способа вносят лишь необходимую ссылку на гетерогенность, но не меняют сути: множество — совокупность агентов, группирующихся вокруг Идеи, носителем которой выступает субъект.

Любое множество образуется как результат внезапного рождения политики (Ж. Рансьер). Оно представляет из себя совокупность временных союзников, каждый из которых «стремится к сборке, чтобы стать самим собой, чтобы реализовать свою идентичность» [11, с. 31]. Если говорить о

множестве уличной демонстрации, следует указать, что раскол идет не между силами порядка, модернити и традиционализма¹, а между силами порядка, субъектности и анархии.

Данное утверждение можно продемонстрировать на примере движения *Black Lives Matter*, имевшего место в США в 2020 году: протесты, происходящие на улицах в течение дня носили мирную форму, результатом которой являлось совершение некоего События, возможное изменение Символического: складывался диалог между силами полиции (буквальной и как концепта Рансьера) и множеством граждан, требующих изменений в области человечности, требующих ликвидировать возможность насилия со стороны государства, требующих признать телесность Другого и его способность испытывать боль. Этот диалог разворачивался между множеством агентов, поддерживающих изначально высказанные идеи о свободе и равенстве. И это две конструктивные стороны.

По вечерам, однако, силы правопорядка вынуждены были разгонять третью сторону: агрессивно настроенных людей, прикнувших к протесту, присвоивших лозунги освобождения, но явно нацеленных на удовлетворение собственных стремлений и инстинктов: на мародерство, на погромы, на шум (как прото-речь, как бормотание неучтенных в политическом поле, как высказывание тех, кому отказано в логосе, в понимании Ж. Рансьера [20, с. 141—143]). Это третья сторона. Сторона неизбежная. Это сторона *невовлеченных*, сторона вытесненных, сторона, чей голос превращается в (опасный) шум, потому что эта сторона не учитывается в обычной ситуации. Неучитываемая сторона — отброшенный камень, становящийся самым опасным элементом подрыва, когда происходят революционные события. Уже Сократ говорил об опасности людей, у которых нет завтра [12, с. 288]. Эти люди всегда примыкают и окружают то множество, которое имеет завтра, имеет Идею, которое высказывается за позитивную повестку конструктивно. Сторона варваров (т. е. производящих шум) тоже высказывается за повестку политического — за равенство и освобождение, — но делает это на языке шума, доступном для нее, лишенной образования, лишенной внимания, лишенной завтра со стороны доминирующего социального слоя. Иными словами, множе-

¹ Бадью А. Бер по замкнутому кругу. URL: <https://liva.com.ua/finitude-badiou.html> (дата обращения: 22.03.2022).

ство, образуемое вокруг Идеи, вокруг субъекта, представляет собой делимое; целое, состоящее из гетерогенных частей, каждая из которых говорит на своем собственном языке, исходя из собственного понимания Идеи, исходя из собственных представлений о действии, а конструктивность этого действия зависит от того, насколько учтенными или неучтенными были группы, образующие множество. Цель любого множества — быть услышанным, говоря словами Субкоманданте Маркоса.

Обращаясь к языку Лакана, множество конституируемо швом. Оно шито рождением политики, шито необходимостью единого действия ради достижения приоткрывающейся возможности истины. Оно шито во времени и пространстве, чтобы потом снова распасться. Шов прикрывает присущий множеству антагонизм. Прикрывает отсутствие множества: множество существует только в качестве мыслимой формы, но не в качестве единого социального образования. Любое множество более чем условно: это всего лишь ментальная операция *читающего* помыслить социальный процесс и *захватить* разворачивающуюся историю.

В концепции перманентной современности множество играет структурную роль. Множество связано с субъектом как с Сущностью. Субъект осуществляет интенциональную операцию *cogito*, руководствуясь логичностью, структурностью, системностью, диалектичностью, критичностью и концептуальностью мышления. Через направленность на себя (рефлексию, как ее определяет Гегель) мышление субъекта направляется и на окружающее, включает в себя окружающее, определяет субъекта через его отношения с окружающим. Субъект создает определенные рамки — фреймы (англ. frame — кадр, рамка, каркас)¹, которые оказываются его мировоззрением и миропониманием. Рамки, в которых субъект мыслит себя и пространство-время, имплицитно содержат в себе стремление к изменению: расширению, переконфигурации. Иными словами, субъект обладает представлением об условиях, в которых ему хотелось бы жить, о людях, которых хотелось бы видеть вокруг себя. Так Платон пытался воздействовать на Дионисия Старшего, а потом пришел к выводу, что социальных изменений можно достичь не через воздействие на умы взрослых, а благодаря разворачиванию умов юных (фактически обучая их критиче-

скому мышлению [19, с. 18—26]). Т. е. Платон целенаправленно приступил к созданию множества.

Когда рамки расширяются, обращаясь в векторы возможного социально-политического будущего, они включают в себя множество: индивидов, знакомых с *cogito* субъекта, или отвлеченно слышащих междисубъектный диалог, воодушевленных сведенными к лозунгам идеям, откликнувшимся на Событие. Расширенные рамки включают множество, которое организуется вокруг субъекта-идеи через отношения интериорности, когда части мозаики взаимосвязаны, конституируют друг друга и немислимы друг без друга: множество конституирует субъекта, признавая его мессианский мандат, но одновременно конституируется само вокруг мысли субъекта, такого *objet petit a*, недостижимого объекта-желания, говоря языком Лакана: множество принимает интеллигибельные построения субъекта в качестве истины, которую следовало бы реализовать: истину просветления, истину Царства, истину социализма. Множество и субъект созависимы, но эта зависимость различна: субъект как физическое тело может существовать без множества, но не может существовать без него как тело культуры, как культуротворческий актер; как культуротворческий актер субъект остается существовать с множеством («Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» Мф. 18:20), даже утратив физическое воплощение — мертвый субъект необходим множеству в качестве фигуры Отца, фигуры нового провозглашаемого закона. Множество не существует без субъекта, т. к. оказывается лишенным идентификации. Множество идентифицирует субъекта и идентифицируется в субъекте.

Множество создается на основании идентичности. История — элемент идентичности. Политика — способ объявления коллективной истины, нацеленной на акт говорения (не шума) и на присвоение пространства. Искусство — элемент политического. Между процедурами истины Бадью следовало бы установить соотношение, где любовь и матема объявляют субъекту истину о себе, искусство входит в промежуточное состояние, а вершиной является политика — разворачивание субъективности в поле культуры с целью преобразования культуры. Достоевский пишет о мраке, с целью обратить к свету. Толстой пишет о свете, чтобы выпрямить пути к нему. Иисус говорит о себе *Сын Человеческий*, выражая мысль о своей частности общему. Нет Я без Мы, потому что Мы создает среду, где

¹ Вахштайн В. С. Теория фреймов как инструмент социологического анализа повседневного мира : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007. С. 18.

возможно Я, но Я несет ответственность перед Мы.

Исторических примеров подобного отношения достаточно. Пожалуй, самый известный пример для западной культуры — Христос, апостол Павел и христианство [1]; когда Христос — человек в общем и целом помысливший истинность человеческого бытия в определенных правилах, Павел — тот, кто способствовал расширению идей Иисуса и все силы бросил на сознательное конструирование множества, коим стали христиане. В результате, христиане образуют некое массовое образование, связанное особым пониманием экзистенциальной истины и предъявляющими требование к установлению определенного политического закона. Иисусу требуются христиане, чтобы быть субъектом, а христианам требуется Христос для своей идентификации (или даже идентификаций). Собственно говоря, подобная история разворачивается вокруг Маркса и Ленина с большевиками. Попытка волюнтаристски воссоздать этот шаблон прослеживается в канонизации Ленина Сталиным. Однако факт банкротства этой попытки говорит о том, что отношения субъекта и множества складываются самостоятельно, произвольно, они неуправляемы при помощи человеческих институтов, но синхронизированы процедурами истины. Отношения субъекта и множества — отношения экзистенциальные и политические.

А. Бадью в своей теории субъекта [31] исходит из того, что субъективность привязана к Событию. Однако субъект независим от События. Напротив, Событие становится возможным, благодаря деятельности субъекта. Единственное Событие, к которому может быть привязан субъект, которое конституирует его в качестве субъекта, — событие осознания собственного Я, событие просветления, испытанное Буддой или отраженное в конце «Тошноты» Сартра. Иными словами, если субъект и конституируется событием, то это всегда событие личного плана, являющееся результатом вдруг открывшейся человеку истины о себе. Это событие запускает рефлексию. Событие же, как его понимает А. Бадью, конституирует как раз множество: определенный круг людей вдруг начинает говорить на одном языке, неожиданно понимает свою общность в конкретном историческом моменте. И несмотря на то, что отношения между субъектом и множеством интериорны, они сложны, нелинейны, гетерогенны, а потому лучше всего могут быть помыслены в качестве ассамбляжа.

Теория ассамбляжа на уровне прозрения предложена Ж. Делезом [9], который ввел термин, оперировал им (он рассредоточен по его текстам; в русском языке представлен как «сборка»), но не концептуализировал полностью. М. Деланда предлагает использовать теорию ассамбляжей для анализа социальной сложности. С точки зрения М. Деланды, ассамбляж представляет собой ситуацию, где основные части целого самодостаточны, гетерогенны и связаны отношениями экстерииорности [8, с. 18—20], т. е. взаимно детерминированы, запутаны и нелинейны, в чем-то похожи на пчелиные соты, структурированные на манер матрешки: множество множественно: это единицы и группы, образующие кластеры, которые могут внутри себя распадаться на макро-микро уровни, придерживаться различных иерархий, различных устройств, различных степеней автономии. Так мы имеем христианское множество, распадающееся на католиков, православных, протестантов, а каждая из этих групп распадается на свои подгруппы и далее. Общность множества конституирована экзистенциальной истиной Христа, но дальнейшее усложнение идет за счет множественности экзистенциалов. Т. е. теория ассамбляжа пересекается с математической онтологией А. Бадью.

Теория ассамбляжа, предлагаемая Деландой, предполагает мыслить целостность как отношение частей, каждая из которых может быть отделена и помещена в другой ассамбляж, но при этом связана коэволюцией: «Рассмотрение организма в качестве ассамбляжа предполагает, что, несмотря на тесную взаимосвязь между органами, составляющими организм, отношения между ними не являются логически необходимыми, но лишь контингентно обязательными в качестве исторического результата их коэволюции» [8, с. 21]. Исторический результат коэволюции подразумевает определенную территориализацию и кодирование [8, с. 21—30] множества, означающие *mutato nomine* локализацию площадки-времени и язык (нарратив): мы уже знаем, что множество обретает онтологию в субъекте, который сосуществует со-временем и создает нарратив настоящего(-)будущего: интерпретацию настоящего, устремленного в будущее и прогнозирование будущего, спускаемого в настоящее.

Отталкиваясь от теории ассамбляжей, можно сказать, что множество структурирует социальную реальность через взаимодействие собственных автономных частей на различных уровнях, что мы и видим на

площади: есть общее множество площади (площадь, здания, баррикады, плакаты, вертолеты, полицейские, чиновники, журналисты, протестующие), которое распадается на части, каждая из которых объединена в целое площади, в целое декларации только историчностью происходящего, однако готова выпасть или распасться на более мелкие части: к примеру, протестующих мы поделили на тех, кто имеет повестку и артикулирует требование, и тех, кто примкнул и производит шум, кто вытеснен и на данный момент не созрел до логоса истины, но причастен к ней имманентно. Каждая из этих групп протестующих сведена и объединена вместе случайностью, ходом истории, путешествием Духа. Каждая из этих групп, объединившись в группу «протестующие», образует один временный ассамбляж протестующих в ассамбляже площади. Но как ассамбляж площади распадается на физические объекты, полицию и протестующих, так и ассамбляж протестующих распадается на требующих и примкнувших, которые в свою очередь фрагментируются на более мелкие ассамбляжи: западников, славянофилов, националистов, пофигистов, хулиганов etc. Ассамбляж площади — политическое множество как таковое, чья сила потенциально способна изменить Символический порядок.

Но и множество субъекта (S_M) устроено как ассамбляж: оно объединено экзистенциально-политической истиной субъекта, но это объединение случайно, основано на общей идентификации, привязанной к субъекту и Идее, гетерогенно (каждый агент сохраняет автономность и живет собственной жизнью, а его степень вовлеченности в множество различна) и может распасться по разным причинам (утрата субъектом авторитета, потускнение Идеи или ее растворение в другом Событии, изменение взглядов агента). Множество субъекта может распадаться до бесконечности: Ленин, Бернштейн, Мао — все лидеры течений в едином множестве марксистов. Лидеры, которые сами сформировали собственные множества. Т. е. структура множества бесконечна, подобна матрешке, но всегда организована вокруг субъекта, говорит от лица субъекта, с опорой на язык субъекта (терминология, видение будущего, интерпретация настоящего).

Пример такого взаимодействия множества и субъекта находится на поверхности: есть Маркс и разработанный им для самого себя дискурс, усвоенный определенным числом тех, кому понравилось понимать

реальность через оптику Маркса. Язык этих последователей пронизан терминологией Маркса. Эти последователи пытаются реагировать на вызовы своей жизни, своего времени, своего бытия-в-мире, опираясь на сформулированные Марксом постулаты. Эти последователи пытаются актуализировать язык Маркса под изменения, произошедшие в мире, стараются изменить мир в соответствии с ориентирами мыслителя из Трира.

Победное шествие психоанализа по ступеням ментальных конструкций XX века и связанные с этим шествием изменения в искусстве и социальных практиках — еще один яркий пример взаимодействия субъекта и множества, воздействия множества на культуру.

В образном представлении можно говорить о том, что отношения субъекта и множества — это отношения бесконечной бинарности: как отмечали Делез и Гваттари, одно становится двумя, а два превращаются в четыре [9, с. 9]. Говоря об отношении субъекта и множества, мы имеем постоянный рост: Иисус — Павел — ученики Павла — общины первых христиан — христианское множества по состоянию на XXI в. Разумеется, Иисус не возник из пустоты и основывался на идеях, сформулированных до него, оставив последователей после себя. Иисус выступал в подрывной роли относительно существующего и в образе провозвестника, относительно грядущего. Интересно, что в основе всей христианской культуры находится девиантный субъект-грешник: не праведники Адам и Павел конституируют христианство, а Ева и Иуда, своим актом грехопадения дающие возможность свершиться Событию, благодаря которому разворачивается последующее, складывается этика добра и зла. Иными словами, именно субъект осуществляет этический акт. Множество не имеет отношения к этике. Политическое множество площади (осуществляющее Событие) всегда дестратифицируется, в какой-то степени даже детерриторизируется: Э. Хобсбаум указывает на стремление революционных наций — США, Франции, России — распространить свою революцию на весь мир [27, с. 96—99], т. е. множество площади — это множество универсальной истины. Тогда как множества субъекта — это всегда региональное множества индивидуального прозрения. Множество субъекта всегда идентифицируется вокруг имени субъекта, присваивая дискурс субъекта. В результате именно субъект оказывается этическим и дискурсивным центром культуры. Множество же — социальным телом субъек-

та. Вернее, телом голоса субъекта. Субъект уже может не быть, а «тело» присваивает себе голос субъекта, говорит от имени субъекта и языком субъекта во вневременности: так марксисты говорят языком субъекта о том *esse est percipi*, что виделось Марксу.

Иными словами, политическое/практическое/динамическое ядро современности — это этический говорящий человек, окруженный множеством, реализующим *слово и дело*.

Между субъектами-множествами разворачивается экзистенциальный полилог, который и запускает процессы изменчивости культуры, приводит к рождению нового Символического порядка. В этой структуре множество сохраняет верность субъекту, в то время как субъект всегда сохраняет верность Идее и Событию прошлого-будущего: отталкиваясь от произошедшего и ориентируясь на провозглашаемое им же грядущее.

Метафора ризомы, которую развивают Ж. Делез и Ф. Гваттари для иллюстрации своих идей, удачно подходит для объяснения отношений субъекта и множества в поле культуры. Метафора ризомы — это множественные луковицы-корни, сверху и снизу которых находится по разросшейся кроне (крона как крона, и крона корней в дереве Хомского), но и сами корни соединены между собой. Ризома основана на принципе соединения и неоднородности, когда любая точка ризомы может быть присоединена к любой другой точке. В практике современности это означает, что любой актер (субъект) или агент (множество, человек) могут вступать в диалог и образовывать множество с любым иным актором или агентом, имеющимся во времени и в пространстве (горизонтальных — в сегодня и в вертикальных — вчера). Сама ризома образует множественность социального поля, а в этой множественности встречаются постоянно распадающиеся множественности, к тому же рассредоточенные во времени. Допустим, есть множество субъектов, ведущих между собой диалог в сегодня. Но каждый из этих субъектов ведет диалог не только с кем-то живущим параллельно, но и с кем-то, кто присутствует параллельно лишь на уровне оставленной мысли. Т. е. каждый субъект образован множеством других субъектов, которые есть сегодня и были вчера. Это корни. Но (мы уже пришли к этой мысли) субъект дает начало множеству, которое будет отстаивать истину субъекта на площади. Это крона. Сам субъект оказывается как бы между двух крон: множества субъектов прошлого, множества агентов будущего.

Субъект — точка, где сжимается историческое время прошлого-будущего, откуда это время разворачивается. Место, из которого расходится множество агентов, впоследствии со-творяющих будущее. Делез и Гваттари указывают, что «язык устанавливается вокруг прихода, епархии или столицы» и «перемещается подобно масляным пятнам» [9, с. 13]. Эта мысль станет безупречной при внесении в нее поправки: язык устанавливается вокруг субъекта и уже от него в виде дискурса распространяется подобно масляным пятнам. Этими пятнами и является множество. До момента, пока наша мысль не станет абсолютно новой, перевернув язык и парадигму, люди в той или иной степени оказываются частью одного из гетерогенных множеств.

Собственно говоря, дискурсы территоризируют и стратифицируют множества. Благодаря дискурсам появляются левые и правые, маоисты и троцкисты, фашисты и ответственные капиталисты, лютеране и кальвинисты. Дискурсы идентифицируют множества, в некотором роде механизмируют его: полифокальный диалог множеств превращается в некий программный обмен дискурсов. И этот программный обмен существует в обыденности, развивается в обыденности, формирует обыденность, склоняя чаши весов в ту или иную сторону. Именно этот программный обмен латентно готовит Событие. Этот программный обмен — одно из условий выбивающихся из механизации истинностных процедур, особенно искусства, которое пытается уловить то, что скрыто за машинным кодом, почувствовать настоящий призыв бытия.

Интерпретируя Делеза можно сказать, что множество — это сборка субъекта (как акта высказывания, как акта мысли, как предложения пути, как голоса, причастного к процедуре истины) и агентов (как желающих достичь истины). Множество — это сборка индивидов, проявляющих политическую активность, находящихся в ожидании События, либо уже задействованных в нем. Множество — сборка индивидов, желающих реализации Идеи.

Теория множеств (гетерогенных, ризомных, мобильных, вариативных и текучих: перестраивающихся физически и ментально) кажется более гибкой, чем классовая теория или теория масс. Массы и классы, с точки зрения Р. Люксембург или А. Бадью, находятся в некоторой структурной взаимосвязи: массы предшествуют классам; массы имеют онтологический протестный характер, а классы — всего лишь истори-

ческая форма протестных масс. При таком взгляде массы оказываются только с одной стороны: со стороны протеста, хотя по факту массы всегда сходятся с массами. Само слово «масса» содержит в себе некоторые монолитные коннотации, коннотации бесцветности и тотальности.

Понятие множество более динамично, более гибко, оно в качестве сборки затрагивает всю совокупность агентов, актуализированных той или иной процедурой истины. Множество более вариативно. Множество оформлено массой, но индивидуально из-за своей онтологической гетерогенности. Каждая молекула множества — единица, вступившая в диалог с целым и противоположным. Единицы обладают свободой и возможностью изменяться. С единицей возможен диалог. Диалог необходимо выстраивается не между массами и ярлыками, а между единицами. Множество — это объединение единиц, конструируемых идеей субъекта. «Нет индивидуального высказываемого, есть только машинные сборки, производящие высказанное» [9, с. 62]. Собственно говоря, множество и есть такая сборка: сборка, относящаяся к артикулируемой субъектом истине. А онтология множества в истине субъекта выводит его из-под действия географических, национальных и любых других границ, разглаживая пространство.

Множество — это машина войны, если объяснять феномен языком Делеза. Машина войны, потому что множество подвижно, абстрактно, готово ускользнуть и наделено способностями к метаморфозам, к расширению и умножению. Множество гладкое, а не рифленое; живое вместо мертвого. Оно противоположно фашизму и смерти. Оно живое и динамичное. Множество представляет собой некую гладкость, которая, однако, несет в себе потенциал рифления. Множество состоит из молекул-точек, которые вместе, как мы знаем, образуют линию. Линии могут очерчивать пространство и образовывать вектор. В этом проявляется любая социальная и культурная динамика. Множества собираются и распадаются — в этом процессе проявляется машинерия, машина войны.

Заключение

Итак, множество — образ динамики перманентной современности. Это гетерогенная динамичная (сужающаяся и расширяющаяся) машина, которая состоит из субъекта (сведенного до Идеи, до голой сущности

человеческого) и приверженцев Идеи субъекта, сохраняющих ей верность. Множество распадается, собирается, расширяется и сужается в разные периоды исторического времени. Оно конституируется диалогом и проблемностью общего бытия, истиной этого бытия и актуальностью Идеи-способа в конкретности существования. Множество дробится. Множества создают полицию и политику¹, устанавливают и свергают Символическое. Множества мобилизуются голосом истины, говорящей о шансе на свободу в конкретном мгновении. Роль субъекта в множестве определена Христом: «Не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10:34). Во множестве мы видим: (1) субъекта, создающего мысль-вектор (Иисус), (2) квазисубъекта, расширяющего пространство борьбы (Павел, Лютер и др.); (3) образующиеся группы, пытающиеся реализовать объявленные идеи и тем самым осуществить свое естественное право на справедливость и ведущие между собой диалог словом или делом (христиане как общность и христианские группы как частность). Множества представляют субъекта в перманентности пространства-времени. возможность множества связана с политической телеологией человеческого животного (Аристотель).

Существуют множества как множества субъекта-Идеи, и ассамбляжи/сборки как множества площади. Эти множества взаимодействуют между собой, перетекают одно в другое, находятся в диалоге, в перманентной динамике. Множество локализовано идейностью, но детерриторизовано относительно любых внешних границ. Цель множества — разгладить пространство для его последующего рифления сообразно новым правилам.

В результате множества оказывается совокупностью агентов, которые представляют мысль субъекта в поле культуры, своеобразно ее интерпретируя, но оставаясь вооруженными ее дискурсом, включающем язык, цели и категории. Множества взаимодействуют между собой в политическом пространстве. Множества выражаются через

¹ Автор солидарен с определением данных понятий у Ж. Рансьера, А. Бадью и Ш. Муфф: «Полиция — процесс организации собрания людей в сообщество и консенсуса между ними, основанный на иерархическом распределении мест и функция»; «Политика — процесс взаимодействия практик, направляемых предположением равенства кого угодно с кем угодно и заботой о верификации это равенства»; «Политическое будет областью встречи между политикой и полицией при разборе несправедливости»; «Всякая полиция отрицает равенство» [20, с. 99—100].

искусство, науку, матему — т. е. они оказываются проводниками экзистенциальной истины субъекта. Множества организованы как сборка: они сохраняют индивидуальность и автономность своих единиц. Вместе с тем множества не являются независимыми этическими акторами — это агенты, вооруженные дискурсом субъекта и большей частью пребывающие в обыденности, но имеющие некое стремление. Мысль субъекта служит точкой идентификации для множества. Связка субъект-множество образует устойчивую причинность культурных изменений, разворачивающихся в границах, которые можно было бы охарактеризовать следующим образом¹:

- 1) Цивилизация представляет собой каркасные условия отношений человека с бытием. Это малоподвижная тектоническая часть человеческого взаимодействия с миром, целью которой является сделать это взаимодействие более-менее устойчивым, придать бытию-в-мире более-менее стабильные основания, телеологию, какую-то осмысленность и переносимость. Цель цивилизации — сделать существование переносимым, квазиуправляемым. Отсюда монументальный и ритуальный характер цивилизационных форм. На формирование цивилизации влияет природа; цивилизация связана с менталитетом; она часто ритуализирована в религии. Ритуал стабилизирует, упорядочивает и даже как бы контролирует бытие.
- 2) Модерн — устойчивая ценностная шкала цивилизации, выражающаяся в художественной практике и формах политического запроса. Модерн возникает и разрушается периодически, и всегда соотносится со знаковыми течениями в культуре.
- 3) Культура — форма общественной жизни в условиях модерна, принимающая микро- и макроформы. Культура изменчива, подвижна. Это основное поле взаимодействий и изменений пространства человеческого общежития. Культура есть подвижная рациональность.
- 4) Постмодерн — ситуация нащупыва-

ния новых оснований. Постмодерн имманентно присущ культуре, он всегда существует и развивается параллельно устойчивой парадигме модерна. Постмодерн всегда мыслит немного вперед, всегда ищет, предлагает и отрицает. Динамика модерна — постмодерна обеспечивает динамику культуры и приводит к ее изменению.

- 5) Межцивилизационная эпоха — ситуация слома цивилизационной матрицы и выстраивания нового пространства на основании иных принципов и процедур.

Однако все эти формы человеческого общежития существуют только благодаря присутствию мыслящего (*cogito*) и действующего человека, стоящего в просвете бытия (М. Хайдеггер) — субъекта, и связанной с ним совокупности агентов — множества. Это объединение и образует ситуацию перманентной современности.

Статья поступила в редакцию 23.03.2022

1. Бадью А. Апостол Павел. Обоснование универсализма. М. : Московский философский фонд ; СПб. : Университетская книга, 1999. 96 с.

2. Бадью А. Загадочное отношение философии и политики. М. : Институт Общегуманитарных Исследований, 2013. 112 с.

3. Бадью А. Манифест философии. СПб. : Machina, 2003. 184 с.

4. Бадью А. Мета/Политика: можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике. М. : Логос, 2005. 240 с.

5. Батлер Дж. Заметки к перформативной теории собрания. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. 248 с.

6. Борисов С. В. Что значит быть современным (в контексте статьи А. В. Павлова «Заметки о современности и субъективности») // Социум и власть. 2013. № 3. С. 123—126.

7. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 144 с.

8. Деланда М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь : Гиле Пресс, 2018. 170 с.

9. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория ; М. : Астрель, 2010. 895 с.

10. Ершов Ю. Г. Современность как проблема // Социум и власть. 2013. № 5. С. 131—136.

11. Жижек С., Руда Ф., Хамза А. Читать

¹ Далее дается авторская интерпретация понятий, уже имеющих прочное обоснование в философском вокабуляре, обладающих массой коннотаций и интерпретаций. Автор не ставил своей целью в данной статье и не претендует на полный содержательный анализ этих понятий, но предлагает несколько иначе посмотреть на их взаимосвязь и смысловое наполнение.

Маркса. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 176 с.

12. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М. : РИПОЛ классик, 2019. 472 с.

13. Муфф Ш. К агонистической модели демократии // Логос. 2004. № 2 (42). С. 180—197.

14. Муфф Ш. Политика и политическое // Политико-философский ежегодник. М. : ИФ РАН, 2008. С. 88—102.

15. Павлов А. В. Заметки о современности и субъективности. Критерии современности // Социум и власть. 2013. № 1. С. 5—14.

16. Павлов А. В. Заметки о современности и субъективности. Модерн и пластичность // Социум и власть. 2012. № 6. С. 5—11.

17. Павлов А. В. Полифокальная социология современности // Социум и власть. 2013. № 4. С. 5—13.

18. Петровская Е. В. Речь и революция (набросок теории действия) // Международный журнал исследований культуры. 2020. № 3 (40). С. 16—34.

19. Платон. Апология Сократа // Платон. Полное собрание сочинений: в 1 т. М. : АЛЬФА-КНИГА, 2013. 1311 с.

20. Рансьер Ж. На краю политического. М. : Праксис, 2006. 240 с.

21. Рансьер Ж. Несогласие: Политика и философия. СПб. : Machina, 2013. 192 с.

22. Рансьер Ж. Разделяя чувственное. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. 264 с.

23. Третьяк А. Р. Классовый проект multitude // Полития. 2020. № 4. С. 35—52.

24. Тульчинский Г.Л. Современность и субъективность // Социум и власть. 2013. № 3. С. 116—122.

25. Хардт М., Негри А. Империя. М. : Праксис, 2004. 440 с.

26. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М. : Культурная революция, 2006. 559 с.

27. Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789—1848. Ростов н/Д. : Феникс, 1999. 480 с.

28. Чупров А.С. Современность постмодерниста, или «Некуда бежать» // Социум и власть. 2013. № 2. С. 129—131.

29. Badiou A. Infinite Thought: Truth And The Return To Philosophy. London, New York : Continuum, 2005. 197 p.

30. Badiou A., Truong N., Bush P. In Praise of Love. Serpent's Tail City: London, England, 2012. 112 p.

31. Badiou A. Theory of the Subject. Continuum, 2009. 416 p.

32. Camfield D. The Multitude and the Kan-

garoo: A Critique of Hardt and Negri's Theory of Immaterial Labour. *Historical Materialism*. 2007. № 2 (15). P. 21—52.

33. Chesters G., Welsh I. Complexity and social movements: Multitudes at the edge of chaos. Routledge. 2007. 206 p.

34. Leask I. Ideology and the 'Multitude of the Classroom': Spinoza and Althusser at school // Educational Philosophy and Theory. 2018. № 9 (50). P. 858—867.

35. Lucchese F. Del. Conflict, Power, and Multitude in Machiavelli and Spinoza. Tumult and Indignation. Continuum, 2009, 224 p.

36. Mazzarella W. The Myth of the Multitude, or, Who's Afraid of the Crowd? *Critical Inquiry*. 2010. № 4 (36). P. 697—727.

37. Mouffe Ch. The Return of the Political. London ; New York : Verso, 1993. 164 p.

38. From Multitude to Crowds: Collective Action and the Media / Eduardo Cintra Torres, ed. Edited Collection. 268 p.

39. Radical Democracy and Collective Movements Today: The Biopolitics of the Multitude versus the Hegemony of the People. Routledge, 2016. 258 p.

40. Tampo N. Assemblages and the Multitude: Deleuze, Hardt, Negri, and the Postmodern Left // European Journal of Political Theory. 2009. № 3 (8). P. 383—400.

41. Watkin C.M. Thinking Equality Today: Badiou, Rancière, Nancy // French Studies. 2013. № 4 (LXVII). P. 522—534.

42. Žižek S. Multitude, Surplus, and Envy // Rethinking Marxism. 2007. № 1 (19). P. 46—58.

References

1. Bad'ju A. (1999) Apostol Pavel. Obosnovanie universalizma. Moscow, Moskovskij filosofskij fond; Sankt-Petersburg, Universitetskaja kniga 96 p. [in Rus].

2. Bad'ju A. (2013) Zagadochnoe otnoshenie filosofii i politiki. Moscow, Institut Obshhegumanitarnyh Issledovanij, 112 p. [in Rus].

3. Bad'ju A. (2003) Manifest filosofii. Sankt-Petersburg, Machina, 184 p. [in Rus].

4. Bad'ju A. (2005) Meta/Politika: Mozhno li mysliť politiku? Kratkij traktat po metapolitike. Moscow, Logos, 240 p. [in Rus].

5. Batler Dzh. (2018) Zаметki k performativnoj teorii sobranija. Moscow, Ad Marginem Press, 248 p. [in Rus].

6. Borisov S.V. (2013) *Socium i vlast'*, no. 3, pp. 123—126 [in Rus].

7. Virno P. (2015) Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoj zhizni. Moscow, Ad Marginem Press, 144 p. [in Rus].

8. Delanda M. (2018) Novaja filosofija ob-

shhestva: Teorija assambljazhej i social'naja slozhnost'. Perm', Gile Press, 170 p. [in Rus].

9. Delez Zh., Gvattari F. (2010) Tysjacha plato: Kapitalizm i shizofrenija. Ekaterinburg, U-Faktorija; Moscow, Astrel', 895 p. [in Rus].

10. Ershov Ju.G. (2013) *Socium i vlast'*, no. 5, pp. 131—136 [in Rus].

11. Zhizhek S., Ruda F., Hamza A. (2019) Chitat' Marksa. Moscow, Izd. dom Vyshej shkoly jekonomiki, 176 p. [in Rus].

12. Ksenofont. (2019) Vospominaniya o Sokrate. Moscow, RIPOL klassik, 472 p. [in Rus].

13. Muff Sh. (2004) *Logos*, no. 2 (42), pp. 130—197 [in Rus].

14. Muff Sh. (2008) *Politiko-filosofskij ezhegodnik*. Moscow, IF RAN, pp. 88—102. [in Rus].

15. Pavlov A.V. (2013) *Socium i vlast'*, no. 1, pp. 5—14 [in Rus].

16. Pavlov A.V. (2012) *Socium i vlast'*, no. 6, pp. 5—11 [in Rus].

17. Pavlov A.V. (2013) *Socium i vlast'*, no. 4, pp. 5—13 [in Rus].

18. Petrovskaja E.V. (2020) *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury*, no. 3 (40), pp. 16—34 [in Rus].

19. Platon. (2013) Apologiya Sokrata // Platon. Polnoe sobranie sochinenij v odnom tome. Moscow, AL'FA-KNIGA, 1311 p. [in Rus].

20. Rans'er Zh. (2006) Na kraju politicheskogo. Moscow, Praksis, 240 p. [in Rus].

21. Rans'er Zh. (2013) Nesoglasie: Politika i filosofija. Sankt-Petersburg, Machina, 192 p. [in Rus].

22. Rans'er Zh. (2007) Razdeljaja chuvstvennoe. Sankt-Petersburg, Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 264 p. [in Rus].

23. Tret'jak A.R. (2020) *Politija*, no. 4, pp. 35—52 [in Rus].

24. Tul'chinskij G.L. (2013) *Socium i vlast'*, no. 3, pp. 116—122 [in Rus].

25. Hardt M., Negri A. (2004) Imperija. Moscow, Praksis, 440 p. [in Rus].

26. Hardt M., Negri A. (2006) Mnozhestvo:

vojna i demokratija v jepohu imperii. Moscow, Kul'turnaja revolyucija, 559 p. [in Rus].

27. Hobsbaum Je. (1999) Vek revolyucii. Evropa 1789—1848. Rostov n/D., «Feniks», 480 p. [in Rus].

28. Chuprov A.S. (2013) *Socium i vlast'*, no. 2, pp. 129—131 [in Rus].

29. Badiou A. (2005) Infinite Thought: Truth And The Return To Philosophy. London, New York, Continuum, 197 p. [in Eng].

30. Badiou A., Truong N., Bush P. (2012) In Praise of Love. Serpent's Tail City. London, England, 112 p. [in Eng].

31. Badiou A. (2009) Theory of the Subject. Continuum, 416 p. [in Eng].

32. Camfield D. (2007) *Historical Materialism*, no. 2 (15), pp. 21—52 [in Eng].

33. Chesters G., Welsh I. (2007) Complexity and social movements: Multitudes at the edge of chaos. Routledge, 206 p. [in Eng].

34. Leask I. (2018) *Educational Philosophy and Theory*, no. 9 (50), pp. 858—867 [in Eng].

35. Lucchese F. Del. (2009) Conflict, Power, and Multitude in Machiavelli and Spinoza. Tumult and Indignation. Continuum, 224 p. [in Eng].

36. Mazzarella W. (2010) *Critical Inquiry*, no. 4 (36), pp. 697—727 [in Eng].

37. Mouffe Ch. (1993) The Return of the Political. London, New York: Verso, 164 p. [in Eng].

38. (2015) From Multitude to Crowds: Collective Action and the Media. Edited Collection, 268 p. [in Eng].

39. (2016) Radical Democracy and Collective Movements Today: The Biopolitics of the Multitude versus the Hegemony of the People. Routledge, 258 p. [in Eng].

40. Tampio N. (2009) *European Journal of Political Theory*, no. 3 (8), pp. 383—400 [in Eng].

41. Watkin C.M. (2013) *French Studies*, no. 4 (LXVII), pp. 522—534 [in Eng].

42. Žižek S. (2007) *Rethinking Marxism*, no. 1 (19), pp. 46—58 [in Eng].

For citing: Maltsev Ya. V. Mechanisms of socio-cultural dynamics in the concept of permanent modernity // *Socium i vlast'*. 2022. № 2 (92). P. 7—18. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-2-07-18. EDN: DKVNVD.

UDC 141.3

EDN: DKVNVD

DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-07-18

MECHANISMS OF SOCIO-CULTURAL DYNAMICS IN THE CONCEPT OF PERMANENT MODERNITY

Yaroslav V. Maltsev,

Tyumen State University,
Associate Professor, Department
of Modern History and World Politics,
Cand. Sc. (Philosophy), Tyumen, Russia.
E-mail: maltsevyaroslav@gmail.com

Abstract

Introduction. The phenomenon of multitude is actively comprehended in the world and domestic philosophical, sociological and political science in order to obtain new knowledge about social processes. The concept originating from mathematics, which became a permanent feature of philosophy thanks to the works of A. Negri, M. Hardt, A. Badiou, J. Rancière, Ch. Mouffe, J. Butler and, of course, is closely related to the work of J. Deleuze and F. Guattari, still needs reflecting and popularizing, and can also be used in constructing complex philosophical concepts.

The purpose of the article is to show the phenomenon of multitude which is an integral part of the permanent modernity theory as a tectonic force of socio-cultural variability, “operating” thanks to dialogue and the subject. Methods. The methodology of the article is based on phenomenology, hermeneutics, the principle of complexity; its theoretical basis is the concept of modernity as A.V. Pavlov’s I-subjectivity and the concept of permanent modernity.

Scientific novelty of the research. The article reveals the political aspect of the permanent modernity concept associated with cultural and civilizational dynamics. The author gives a new interpretation of such concepts as “modern”, “post-modern”, “civilization”, “culture”; proposes to take a fresh look at the hierarchy of these terms.

Results and conclusions. As a result, the author concludes that the multitude is a set of agents grouped around the subject-idea and realizing the utopia of the subject in the political area through multifaceted interactions, due to which cultural dynamics occurs.

Keywords:
subjectivity,
politics,
modern,
postmodern,
dialogue,
construction,
modernity